

Глава 21

Андре в тот же миг, как сорвались слова, осознал, что потерял контроль.

Янь Цзи — это имя он так старательно пытался забыть, выскоблить из их общей жизни, но в итоге сам же, в порыве гнева и отчаяния, прорвал эту оборону, ранив их обоих до крови.

Но сказанного не воротишь.

Андре видел, как улыбка в глазах Чжун Цина медленно гаснет, унося с собой ту редкую искру озорства, что зажглась в нём после недавнего фарса.

— Если маршал сомневается в моей верности, почему бы вам просто не отпустить меня?

— Ты всё ещё хочешь уйти, — в голосе Андре зазвучал явный гнев. — Почему на том вечере ты был с ним наедине? Что вы делали? Если бы не феромоны, ты бы ушёл с ним не оглядываясь, так?

С каждым вопросом хватка на его запястье усиливалась.

— Андре! Ты делаешь мне больно! — выдохнул Чжун Цин.

Андре не шелохнулся.

— Ты всегда упоминаешь его имя в моём присутствии. А если бы ты ушёл с ним, стал бы ты упоминать меня в его присутствии?

Чжун Цин задыхался. Полная метка лишала омегу всякой возможности сопротивляться своему альфе. Ему не нравилось это чувство контроля, но сейчас ему пришлось подчиниться. Тонкое запястье покорно замерло в руке Андре.

Он опустил взгляд на бриллиантовое кольцо на безымянном пальце левой руки и горько усмехнулся.

— Как я смею уходить от маршала? Ваша недавняя доброта вскружила мне голову, и я почти забыл, что вы — маршал Ланкастер, и в вашем арсенале так много устрашающих способов.

Проследив за его взглядом, Андре тоже вспомнил о неприятном прошлом, связанном с этим кольцом, и его дыхание перехватило.

В сердце зародилась горечь — кто кого теперь больше боится?

Бурный гнев угас под этим тихим дождём печали. Андре отпустил запястье Чжун Цина и, увидев красный след, провёл по нему пальцами, но, боясь вызвать отторжение, тут же отдёргнул руку.

— Я был неправ, — тихо произнёс он.

Чжун Цин улыбнулся уголками губ, мягко закрывая тему.

— Я постараюсь вас простить.

Раздался сигнал коммуникатора.

С тех пор как на том вечере разнеслись слухи о его намерении разобраться с нераскрытыми делами, к Андре стало обращаться гораздо больше людей.

Андре не хотел отвечать, но Чжун Цин сам принял вызов и с улыбкой сказал:

— Иди.

Идеальная улыбка, словно и не было ссоры.

Всегда такой, всегда этот непоколебимый покой. Никогда не злится, никогда не капризничает — потому что тот, кто мог бы его взволновать, был не здесь.

Осознав это с мучительной ясностью, Андре развернулся и вышел.

Его левая рука была сжата в кулак так сильно, что кольцо на пальце больно впилося в костяшки.

Миниатюрные дисковые бомбы превратили цветочную виллу в военном округе Ноэн в руины. Именно там, среди клубов пыли, он надел на палец Чжун Цина это кольцо. Неважно, были ли его чувства искренними, неважно, что ждало их впереди. Тогда ему нужно было лишь одно — чтобы Чжун Цин остался.

Возможно, любая любовь, лишённая прикрас, — это всего лишь жадность. Либо вы расстанётесь под этим проклятием, либо вместе гибнете в нём.

Когда у него не было ничего, он мог выносить любую холодность. Но стоило ему прикоснуться к возможности чего-то большего, как он уже не мог терпеть неискренность.

Он получил его силой и обманом, а теперь смеет мечтать о настоящих чувствах.

***

Чжун Цин просматривал книги, принесённые охранником.

Это были те самые книги, что он одолжил той девушке: две по военной истории и одна, посвящённая генной инженерии.

Все три были запрещены для чтения омегам. Ведь как только речь заходила о межзвёздных войнах и генной инженерии, было трудно скрыть эксплуатацию третьего пола.

Несколько книг не изменят ход истории.

Даже если бы все омеги получили образование, без власти и финансовых ресурсов они всё равно оставались бы не более чем высококлассными управляющими, нянями и проститутками.

Им нужны были пушки, звездолёты, препараты для восстановления генов и планета без альф.

Тогда они зажили бы счастливее, чем до катастрофы на Земле. Лишь когда все люди в равной степени будут обладать репродуктивной полостью, угнетение по половому признаку исчезнет.

Это был бы прекрасный мир.

«Мне кажется, что-то странное происходит», — внезапно заговорила Система.

Она уже много дней вела себя тихо, и Чжун Цин даже отвык от её внезапных появлений.

Система, похоже, была действительно встревожена. В её электронном голосе слышались нотки паники.

«Временная линия этого мира неестественно колеблется. Ты опять что-то изменил в сюжете?»

«Да что я могу изменить в этом слабом теле? — возмутился Чжун Цин. — Но ты не ошиблась. Начинается война».

«Что ты такое говоришь?!» — взвизгнула Система.

«Я тут ни при чём. Это всё вина Гойи Росмонда. Неужели ты не видишь? Правительство всегда позволяло семье Ланкастер и семье Янь делить военную власть, чтобы наблюдать за их борьбой со стороны. Они вернули Янь Цзи из логова инсектоидов, наверняка заплатив за это немалую цену. И не из доброты душевной... а чтобы помешать Андре стать единоличным правителем».

«Но в оригинальном сюжете это была просто история о том, как главный герой завоёвывает галактику».

Чжун Цин посмотрел на линии на своей ладони.

«Как живой человек в этом мире, невозможно не думать о том, что будет после финала. Когда я вознёсся, разве я не был главным героем своего мира? А теперь вот мучаюсь здесь, выполняя задания адской сложности».

«...» — Система искренне извинилась. — «Я очень сожалею, что привёл тебя сюда. В следующем мире я обязательно подберу для тебя лёгкий мир для новичков, где можно будет расслабиться. Даже если придётся потратить все свои заработанные на подработках баллы, чтобы подкупить распределителя!»

«Спасибо, — улыбнулся Чжун Цин. — На самом деле, я никогда не винил тебя, Система. Какой бы сложной ни была миссия, это всего лишь миссия. Я пришёл из мира, где тоже царило неравенство: женщин-совершенствующихся всегда было меньше, чем мужчин, а демонов-совершенствующихся — меньше, чем людей. И не потому, что нам труднее достичь просветления, а потому, что нам труднее дожить до этого момента. К тому же, для просветления нужно прочесть тысячи книг и пройти тысячи дорог. Даже если нам посчастливится не умереть от чьей-то руки, у нас редко бывают ресурсы для этого».

«Перед вознесением я часто думал: если и в небесном мире всё так же, то какой смысл в вознесении? Это почти стало моим внутренним демоном. Но, Система, когда я встретил тебя, мой демон исчез».

«П-почему?» — ошеломлённо спросила Система.

«Потому что у тебя нет пола, и ты не человек. Именно так я и представлял себе бессмертных — ни мужчина, ни женщина, ни праведный совершенствующийся из знатного рода, ни злой дух из еретического учения. Так что, пока ты рядом со мной, напоминая мне не погружаться в этот маленький мир, я уже доволен».

Система покраснела. За всю свою долгую жизнь она впервые слышала, чтобы её называли бессмертной. Наверное, это был первый подобный случай в истории всех систем.

Кажется, она начала понимать, почему Чжун Цин смог покорить сразу двух главных героев.

«Эм, Цайцзин... кажется, ты неплохо справляешься с Путем бесстрастия».

«Хм?» — Чжун Цин задумался. Кажется, так и есть. Биороботы и системы в каком-то смысле по своей природе следуют Пути бесстрастия.

Говоря о биороботах, Чжун Цин вернулся к главной теме.

«Росмонд не остановится. Если так пойдёт и дальше, как только начнётся война, Янь Цзи и Андре уничтожат друг друга, и ни одна из опор этого мира не уцелеет».

Услышав слово «опора», Система встревожилась.

«Что же делать?»

«Самый быстрый способ остановить одну войну — это начать другую. Альфы слишком самонадеянны, они никогда не станут воевать с немодифицированными бетами. А беты, в свою очередь, хитры и терпеливы. Они ждут, пока два тигра сцепятся в схватке, чтобы потом прийти на всё готовое, и не ввяжутся в драку просто так...» — Чжун Цин мягко улыбнулся. — «Но это не значит, что нет никакого выхода».

Система уже хотела что-то сказать, как вдруг раздался звонок в дверь.

Умный дворецкий пошёл открывать.

«Твоя близкая подруга пришла», — заметила Система, взглянув на экран.

Чжун Цин моргнул.

«Госпожа Капе не моя близкая подруга. Она — мой соратник».

Госпожа Капе принесла с собой неоткрытую бутылку вина и таблетку.

Таблетка была спрятана в её высокой, пышной причёске и легко прошла проверку охраны у ворот. На глазах у Чжун Цина госпожа Капе растворила таблетку в вине и протянула ему бокал.

Но в тот самый миг, как Чжун Цин хотел его взять, она отёрнула руку, разделила вино на две части и выпила вместе с ним.

Когда в комнату вошёл Андре, гостя, проявив такт, засобиравалась уходить.

Госпожа Капе, придерживая живот, осторожно встала и улыбнулась сидевшему напротив Чжун Цину.

— Маршал вернулся, не буду мешать вашему уединению.

Чжун Цин с улыбкой кивнул, благодаря её за тактичность.

Госпожа Капе ушла без промедления, лишь остановившись, чтобы поклониться Андре, и быстро направилась к выходу.

Она была одной из немногих, кому Андре позволял проводить с Чжун Цином целый день в гостинной. Не только потому, что она всегда была тактична и умна, но и потому, что её юмор всегда радовал хозяина.

Андре посмотрел на кофейный столик. На нём стояли пирожные и бутылка вина, уже наполовину пустая.

Чжун Цин не выглядел пьяным, но Андре всё равно забеспокоился.

— Ты пил? — нахмурился он.

Чжун Цин показал двумя пальцами крошечное расстояние и, прищурившись, сказал:

— Совсем чуть-чуть.

Андре опустился на колени, чтобы быть на одном уровне с Чжун Цином, и внимательно взгляделся в его лицо.

— Тебе не плохо?

— Это не вино, а скорее сок с небольшим добавлением алкоголя, — успокоил его Чжун Цин. — Маршал, не стоит так обо мне беспокоиться. Я могу о себе позаботиться.

С этими словами он потянулся к бокалу, в котором ещё оставалось немного вина. Андре хотел было его остановить, но его собеседник так давно не был в таком хорошем настроении, что он не решился испортить ему удовольствие.

Он смотрел, как Чжун Цин с наслаждением отпивает глоток, и встал, чтобы пойти на кухню и приказать умному дворецкому приготовить отрезвляющий суп.

— Маршал, — окликнул его Чжун Цин, когда он уже отошёл на несколько шагов.

Андре обернулся.

Чжун Цин всё так же откинулся на спинку дивана, словно эта тема возникла случайно.

— Госпожа Капе принесла новый прибор, разработанный её мужем. Он позволяет двум людям временно разделять одни и те же ощущения. Хотя прибор ещё нестабилен и действует всего несколько секунд, этого достаточно.

— Я разделил ощущения с госпожой Капе. Она на шестом месяце беременности. Это очень странное чувство. Для того, кто вынашивает, эмоции совершенно иные, чем для наблюдателя.

Все омеги обладают сильным материнским инстинктом, это заложено в их генах. В тот миг, как прибор включился, Чжун Цин ощутил всепоглощающую любовь, которую не могли заглушить ни тошнота, ни головокружение.

Это были эмоции госпожи Капе, настолько сильные, что даже Чжун Цин, будучи лишь наблюдателем, на мгновение ощутил желание умереть за этот ещё не сформировавшийся эмбрион.

— В мире нет более тесной связи, чем между матерью и эмбрионом. Мать полностью владеет эмбрионом, никто не может его отнять, а эмбрион впитывает все её радости и печали.

— Он полностью под её контролем, но та, кто его контролирует, готова пожертвовать собой ради этого ещё не мыслящего существа. С момента его появления каждый кусок хлеба, каждый глоток воды — всё для него. Взаимный контроль и взаимная жертва. В мире нет ничего другого, что так идеально сочетало бы в себе эгоизм и самоотверженность.

— Но госпожа Капе сказала, что она счастлива. Маршал, знаете, я тоже когда-то был так счастлив.

Зрачки Чжун Цина от влаги стали темнее, но в них не было никаких эмоций, словно тёмное течение, поглощающее все посторонние взгляды.

Андре понял, к чему он клонит, и не мог вымолвить ни слова.

— После ошибочного диагноза доктора Рассела я целую неделю думал, что беременен. Вам, наверное, трудно понять, как можно полюбить того, кого никогда не видел. Я и сам раньше не верил. Я всегда думал, что любовь — это роскошь, основанная на многих вещах. Но иногда любовь приходит без всякой причины, даже незаметно. Я любил этого несуществующего ребёнка, потому что он был связан со мной кровью, и ещё... потому что он был посмертным ребёнком Янь Цзи.

— Я любил его из-за Янь Цзи.

— Мне сказали, что два года назад вы передали управление своим кораблём вице-маршалу, а сами сели на корабль Янь Цзи и вместе с ним отправились в логово инсектоидов. Это правда?

Андре не ответил, а вместо этого спросил, его голос был хриплым и почти жалким:

— Кто тебе сказал? Янь Цзи?

— Вы обещали, что вернётесь вместе с Янь Цзи, но вернулись одни. На том вечере Янь Цзи ни разу не упомянул о ребёнке. Возможно, он никогда и не видел сообщения доктора Рассела. А вы, маршал Ланкастер, вы видели?

— Это Росмонд?

— Это уже неважно, — голос Чжун Цина был таким тихим, что, казалось, вот-вот растворится в воздухе. — Почему вы так ненавидите Янь Цзи?

Губы Андре дрогнули.

Наконец-то. С того самого дня, как Янь Цзи воскрес, он знал, что этот день настанет. Каждая минута была пыткой перед казнью, и вот сегодня гильотина опустилась.

Он отчётливо услышал, как что-то внутри него разбилось вдребезги, но его лицо оставалось спокойным, как гладь озера, и голос был ровным.

— Я не ненавижу его. Я просто жажду того, чего хочу.

Но то сообщение на экране означало, что он навсегда останется лишь с мечтами.

Возможно, даже Янь Цзи не понимал, какое влияние имел тот эмбрион. Он видел, как Чжун Цин, после ухода Янь Цзи, мог часами сидеть в розарии. Всего лишь цветок с запахом феромонов Янь Цзи мог так легко завладеть всем его временем. Что уж говорить о ребёнке, в котором текла кровь Янь Цзи?

Пока есть Янь Цзи, Чжун Цин не увидит никого другого. Словно невидимые нити связывали их так крепко, что никто не мог вклиниться между ними.

Чжун Цин допил вино одним глотком. Алкоголь затуманил его взгляд, и он горько усмехнулся.

— Оказывается, винить нужно было только себя. Винить за то, что десять лет назад я встретил вас, и ещё больше — за то, что два года назад принял вашу помощь.

Сердце Андре болезненно сжалось.

— Скажите, что это за жизнь у меня? Если я омега, зачем мне дали силу, сравнимую с силой

альфы? Если я стал солдатом, почему в первом же бою превратился в калеку?

Чжун Цин налил себе ещё бокал и, прежде чем Андре успел его остановить, с улыбкой спросил:

— Маршал, не хотите ли выпить?

Не дожидаясь ответа, он опрокинул бокал в себя. Затем, наклонившись, вытер уголки губ, заодно стерев и слезинку, выступившую от алкоголя.

— Скажите, кто я на самом деле?

— Если я супруг Янь Цзи, почему не покончил с собой в тот же миг, как услышал о его смерти? Если я ваш супруг, почему не могу забыть прошлое и полюбить вас всем сердцем?

— Скажите, я, который может жить лишь благодаря чужой милости и принуждению... кто я такой?

Кровь, подступившая к горлу, заставила его закашляться. Судорожный кашель смешивался с горьким смехом.

Глядя на бегущего к нему, охваченного невиданным прежде ужасом Андре, Чжун Цин, пьяно улыбаясь, поднял бокал:

— Маршал, не хотите ли выпить?

<http://bllate.org/book/16114/1585489>